АЗИАТСКИЕ ЦЕННОСТИ: МЕЖДУ МОРАЛЬЮ, ПОЛИТИКОЙ И ПРАВОМ

ЮМАШЕВ Юрий Михайлович, профессор кафедры международного публичного и частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

E-mail: yumashev@hse.ru

Статья посвящена рассмотрению так называемых азиатских ценностей, в основе которых лежит конфуцианское этическое учение и основными элементами которых являются патриархальная семья, коллективизм, экономическое процветание и верность руководителю государства.

В первой части статьи дан общий обзор особенностей экономического, политического, правового и религиозного характера стран азиатского континента после обретения ими независимости от колониального господства. Автор подчеркивает, что, восприняв демократические институты власти от бывших метрополий и их правовые системы (общего и гражданского права), азиатские страны в большинстве своем имеют авторитарные режимы.

Во второй части статьи речь идет о сути конфуцианской этики. Показан ее патриархальный характер, который зиждется на почитании культа предков, что в конечном счете выливается в отождествление семьи и государства и расхождение индивида в коллективе.

Третья часть статьи посвящена анализу различий в трактовке прав человека с позиций «азиатских ценностей» и «евроцентризма». И здесь приоритеты «азиатских ценностей» — многообразие культур, экономические права и коллективизм — противопоставляются европейскому подходу — универсализму прав человека, политическим и гражданским правам, индивидуализму.

Автор заканчивает статью максимой Р. Киплинга: «Запад есть Запад. Восток есть Восток. И вместе им не сойтись».

Ключевые слова: азиатские ценности, конфуцианская этика, патриархальная семья, мировая гармония, демократия, авторитарное правление, универсализм прав человека, экономические, политические и гражданские права, многообразие культур, западный индивидуализм, коллективизм, иерархия.

Для цитирования: Юмашев Ю.М. Азиатские ценности: между моралью, политикой и правом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 29—41. DOI: 10.12737/jflcl.2019.3.3

ASIAN VALUES: BETWEEN MORALITY, POLICY AND RIGHT

Yu.M. YUMASHEV, National Research University "Higher School of Economics", Moscow 101000, Russian Federation

E-mail: yumashev@hse.ru

The article considers the so-called "Asian values" based on the Confucius' ethical teachings with its conception of patriarchal family, economic priorities, collectivism, loyalty to the state leaders.

The article consists of 3 parts. In the first part the author gives a general review of economic, political, legal and religious particularities of Asian states after their liberation from the colonial rule. He underlines that though majority of Asian states inherited main democratic institutions and legal systems (common and civil law) from their former colonial powers, they transformed the government system in their countries turning it to the authoritarian regimes.

The second part of the article describes the essence of Confucius' teaching and the center point of it – the supremacy of ancestors' cult that finally leads to distinguishing family from state and to the dissolution of an individual in it.

In the third part the problem of different approaches to human rights by proponents of the "Asian values" and "European values" is discussed. Here the priorities of "Asian values" – multiple cultures, economic rights and collectivism – are set off against those of European ones: universality of human rights, political and civil rights, individualism.

The author concludes the article with the maxim of R. Kipling "Oh, East is East and West is West, and never the twain shall meet".

Keywords: Asian values, Confucius' ethical teaching, patriarchal family, authoritarian rule, world harmony, democracy, universality of human rights, economic, political and civil rights, multiple cultures, western individualism, collectivism, hierarchy.

For citation: Yumashev Yu.M. Asian Values: Between Morality, Policy and Right. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 3, pp. 29—41. (In Russ.). DOI: 10.12737/jflcl.2019.3.3

Введение. С конца Второй мировой войны на азиатском континенте в результате деколонизации возникло несколько новых независимых государств, которые старались обрести собственную идентичность и сохранить уникальность собственной культуры.

В наши дни мы являемся свидетелями успешного социального и экономического развития многих из них. Представляется целесообразным коснуться хотя бы в общих чертах социально-экономических, политических, культурных и религиозных аспектов, от-

ражающих особенности азиатского континента, чтобы понять, каким образом и почему так называемые азиатские ценности представляют собой специфическую черту современного азиатского общества.

Необходимо подчеркнуть, что географические понятия «Азия» и «азиатский» не являются единственным критерием, на основании которого можно осуществлять оценку данного явления.

Азиатский континент простирается от Японии через Китай, Индонезию, Филиппины, Южную Азию вплоть до Ближнего Востока. Народы, населяющие этот континент, исповедуют все основные религии мира, и весь этот регион не является единообразным с национальной, религиозной, культурной, экономической и политической точек зрения. Скорее этот регион имеет очень сложный и разнородный характер во всех отношениях: и в прежние времена, и в наши дни культуры азиатских народов соприкасались и смешивались между собой; экономики и политики стран азиатского региона менялись и приспосабливались к обстоятельствам, а национальные границы бесконечно устанавливались и «переустанавливались» по всей Азии.

Таким образом, в Азии представлены все основные мировые религии, в частности христианство на Филиппинах, ислам в Малайзии, Пакистане, Индонезии, индуизм в Индии и Непале, буддизм в Мьянме, Шри-Ланке и Таиланде и т.д.

Политические идеологии, такие как социализм, демократия, феодализм, по-разному воспринимаются азиатскими народами и их правящими элитами. И поэтому политические системы азиатских стран резко отличаются друг от друга: от ориентированных на строительство социализма Китая и Вьетнама до монархического правления, например в Малайзии.

Экономическая ситуация также различна в азиатских странах: Япония, Сингапур, Республика Корея наиболее развитые страны мира, в то время как в Бангладеш, Мьянме, на Филиппинах и даже в Индии, где за последние годы совершен значительный технологический прорыв, продолжает царить бедность. При этом азиатский континент (главным образом за счет стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)) постепенно становится не только мировым центром экономического роста, но и международным торговым и финансовым центром. Ныне экономика Азии уже в состоянии соперничать с экономикой США и Европы. И не случайно многие эксперты полагают, что XXI в. (по крайней мере его первые десятилетия) станет веком Азии.

Поражает и культурное многообразие азиатских народов, которое явилось результатом влияния не только перечисленных выше факторов, но и ряда других, среди которых в первую очередь выделим в числе природных факторов климатические условия, а в социально-историческом аспекте — фактор

длительного колониального наследия, что, несомненно, повлияло на психологию и образ мышления населения крупнейшего (в этом плане) региона планеты.

И еще одно важное замечание: понятие «азиатские ценности», как правило, рассматривается в широком контексте китайской культуры, в основе которой лежат «конфуцианские ценности»¹.

Исторический и политический контекст

Историческая роль западных правовых и политических институтов в Азии. Значительная часть теории «азиатских ценностей» исходит из того, что «западные» и «азиатские» политические институты и идеология, культура и ментальность — ценности, отделенные друг от друга и исторически не соотносимые. И причина тому не в последнюю очередь — колониальное прошлое.

В конце XIX — начале XX в. все азиатские страны имели «западные» системы права и правления. Это было или колониальное правление, как, например, в Индии и Индонезии, на Филиппинах, в современной Малайзии, Сингапуре, Гонконге, Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, или же эти западные системы были приняты (с начала XX в.) по собственной инициативе, например в Японии, Корее, Тайване. А в XIX в. они были приняты под давлением Запада в Таиланде тайскими королями.

Западная правовая и политическая культуры представлены в разных странах региона по-разному. Общее право и английская парламентская система были введены Великобританией, гражданское и романо-голландское право и администрация — Голландией, Францией, Португалией и Испанией. Кроме того, в середине XX в. СССР способствовал установлению советской политической системы, в частности в КНР и во Вьетнаме. Колониальное наследие существенным образом повлияло на правовые системы и управление, культуру и образование бывших зависимых стран. И, как отмечают исследователи данной проблемы, культурной особенностью бывших английских колоний можно назвать «прагматизм», в то время как «культурная элитарность» была характерна для бывших французских колоний, «административный авторитаризм» — для голландских колоний, а «социальная иерархия» — для испанских колоний².

Эти черты решающим образом влияли на формирование каждого общества: ценности и подход стран бывшего британского содружества не могли быть ха-

¹ См.: The Rule of Law / ed. by P. Costa, D. Zolo. Dordrecht, 2007. P. 556. В статье «Чудотворец ушел» о бывшем руководителе Сингапура Ли Куан Ю подчеркивается, что согласно мнению зарубежных синологов он создал модель государства, основанную на учении Конфуция, и потому к его советам внимательно прислушивались в КНР. См.: Независимая газета. 2015. 24 марта. № 6631.

² См.: The Rule of Law / ed. by P. Costa, D. Zolo. P. 567.

раактерными для французской бюрократической Камбоджи и, соответственно, получивший образование во Франции и женатый на француженке король Н. Сианук не мог жить и править в индонезийском милитаризованном феодальном обществе. Точно так же демократия не могла быть восстановлена на Филиппинах, как и в любой другой стране, в которой не действовала система общего права.

Таким образом, «западные» политические правовые институты, которые принесли с собой колониальные системы, укоренились и продолжали функционировать во всех странах Азии, за исключением Китая и Вьетнама с их ориентацией на социализм советского типа, особенно в первые годы становления новой власти.

Эти западные политические и правовые институты сформировали соответствующие властные и правовые системы новых государств, и они в то же время ограничивали возможности потенциальных радикальных изменений: метод проб и ошибок типичен для судебной системы общего права (система прецедентов), для которой скорее характерна постепенная адаптация к меняющимся обстоятельствам, чем к революционным изменениям.

Среди стран с системой гражданского права, в которых сохранились западные институты их бывших метрополий после освобождения от колониальной зависимости, существует, как отмечалось выше, только два исключения: Вьетнам и Китай. Но и эти две страны подтверждают общее правило: принимая ориентированную на социализм рыночную экономику, и Вьетнам, и Китай вернулись в группу стран с системой гражданского права. Во Вьетнаме в 1995 г. был принят всеобъемлющий Гражданский кодекс (ГК), а в 2015 г. — его новая редакция, более отвечающая реалиям изменившейся хозяйственной жизни³. Вне всякого сомнения, на выбор модели частного правового регулирования во Вьетнаме повлияло то обстоятельство, что страна долгое время была французской колонией.

Китайская история более сложная. Вплоть до настоящего времени система гражданского права, которая вводилась в Китае в 1920—1930 гг. посредством принятия ГК, не имела шансов укорениться в континентальном Китае и после 1949 г., т. е. с момента создания КНР.

В мае 1931 г. в гоминдановском Китае был принят ГК Китайской Республики, разработанный с учетом японского ГК 1898 г. и Германского гражданского уложения (ГГУ) 1900 г. В 1949 г. новые китайские власти отменили ранее действовавшее гоминдановское законодательство. Но в КНР до сих пор не принят ГК, призванный служить фундаментом граж-

данско-правовых институтов, хотя в стране действует пакет законов гражданско-правового характера⁴. Причиной тому не в последнюю очередь стало «конфуцианство». Древнему Дальнему Востоку не было известно деление права на публичное и частное. Как правило, все известные кодексы того времени назывались уголовными, хотя регулировали также и проблемы гражданского, административного и даже процессуального права. А все правонарушения, независимо от их юридической природы, карались исключительно уголовными санкциями. Так что отсутствие гражданского кодекса — дань конфуцианской традиции⁵.

То же можно сказать и об азиатских политических структурах. Английская двухпартийная парламентская система или многопартийные правительства, демократические выборы, верховенство права и разделение властей — это все осталось и было воспринято новыми независимыми азиатскими странами. К ним добавились ряд конституционных монархий — Таиланд, Малайзия и две абсолютные монархии — Бруней и Бутан.

Поэтому рассматривать понятия «демократия» и «верховенство права» как новые понятия в азиатских странах, которые не имеют корней в азиатской традиции, было бы преувеличением. До получения независимости местные политические лидеры не допускались к руководству колониальными властями или не имели возможности реализовать свои демократические устремления.

Занимая низкие административные посты, они обучались управлению в условиях колониализма, что, однако, не следует недооценивать. Руководство профсоюзами было в руках местных жителей. В школах местных учеников обучали местные учителя, которые получали образование по большей части в метрополии. Они сдавали экзамены в английских, голландских или французских университетах. Требования свободы, равенства, демократии и независимости получили большое распространение, прежде всего в среде профсоюзных лидеров, учителей, журналистов и интеллектуалов. И наиболее радикальные политические лидеры были выходцами из этой среды.

Отрицание или модификация западных инфраструктур. Отправной точкой для новых независи-

⁴ Историю развития гражданского законодательства в КНР см.: Трошинский П.В. Правовая система Китая. М., 2016. С. 224 и след.

⁵ См.: Трошинский П.В. Указ. соч. См. также: Xue Hanqin. Chinese Contemporary Perspectives on International Law. Hague, 2012. С. 136 и след. Здесь автор даже не упоминает о гражданском праве, а в историческом обзоре согласно конфуцианской традиции дает лишь публично-правовые отрасли права — конституционное, административное и уголовное право, причем в отношении последнего отмечает, что оно подвергается критике как в Китае, так и за рубежом.

³ Анализ и историю разработки ГК Вьетнама на русском языке см., например: Юмашев Ю.М. Иностранные инвестиции во Вьетнаме. М., 2008. С. 31 и след.

мых азиатских государств, ищущих свою национальную идентичность, стало отношение к «западничеству»⁶. Степень отрицания или модификация этой модели сильно отличается в каждом из государств, что не в последнюю очередь объясняется продолжительностью и природой колониального господства, обстоятельствами, в результате которых была получена независимость, и от характера местного лидерства в период получения независимости: чем дольше был период колониального господства, тем прочнее укоренялись «западные» модели; усиливающаяся борьба за независимость и жесткое авторитарное правление приводили к более резкому отрицанию колониальных (и связанных с ними западных) структур; и если исторические традиции и историческая память были не столь сильными, то демократические процессы проходили относительно гладко.

В конечном счете сущность демократии заключается в том, что именно народ решает, кто должен руководить государством.

На Филиппинах смещение Маркоса было достигнуто благодаря демократическому народному голосованию, и оно было поддержано «народной властью». Точно так же был смещен военный режим в Мьянме.

Индия вполне справедливо является самой большой (по населению) демократической страной в мире. Ее лидеры получали образование в Англии — в лондонской Высшей школе экономики и политики, в Кембриджском и Оксфордском университетах. Бывшие и настоящие лидеры Индии — по образованию юристы, политологи и теоретики. Верховный суд Индии поддерживает либеральные демократические права, а также стремится облегчить положение населения, относящегося к низшим кастам.

То же самое можно сказать о Сингапуре и Малайзии. Эти страны 150 лет находились под английским владычеством; они получили независимость в результате процесса деколонизации, и ни одно из этих государств не внесло изменения в многопартийную систему и парламентскую систему английских колониальных правителей. Не следует забывать, что Сингапур уже в течение нескольких десятилетий управляется фактически одной партией, а коллективное представительство было введено совсем недавно для того, чтобы дать право голоса «этническим меньшинствам». До этого изменения демократиче-

ский характер избирательного процесса сохранялся благодаря гарантии того, что в принципе правящая партия народного действия могла потерять большинство и быть переизбрана. И в этом смысле все видимые проявления системы правления стран общего права в наши дни сохраняются, хотя оно само практически перестало развиваться как юридически нормативная система⁷.

Учитывая историческую важность для мусульманского мира традиционного правления во главе с религиозными лидерами, Малайзия добавила федеральную структуру и конституционную монархию к британской парламентской модели. В стране 10 «монархов», 9 султанов, возглавляющих 9 штатов, вместе с периодически избираемым верховным королем и таким образом представляющим федеральную монархию. Его функции аналогичны функциям английской королевы. Малайзийская монархия также характеризуется конференцией правителей, которая определяет все важнейшие дела, относящиеся к исламскому региону, равно как и привилегии и иммунитеты 9 королей и «суперкороля»⁸.

Вьетнам, Китай и Северная Корея после получения независимости выбрали социалистический путь развития. Ранее в этих странах большим влиянием пользовались китайская культура и система гражданского права.

Что касается Индонезии, то на ней лежит печать патернализма — наследие голландской колониальной администрации; таким образом, введение «управляемой» демократии в результате привело к превращению этой страны в авторитарное государство⁹.

На основании вышесказанного отметим, что восприятие демократических институтов Запада в постколониальную эру для большинства азиатских государств не оказало благоприятного влияния на установление демократии и верховенства права в этих странах.

Интернационализация и идеологизация основных понятий человеческого достоинства и прав человека. Эра создания независимых азиатских государств и становления их идентичности начиналась с создания ООН. Во время этого периода их политика и экономика интернационализировались, а культу-

⁷ См.: Tan Y. Lin. Legal Change and commercial Law in Singapore // East Asia: Human Rights, Nation- Building, Trade / A. Tay (ed). Baden-Baden, 1999. P. 27 etc.

⁸ См.: Конституции стран Азии. Т. 3: Дальний Восток. М., 2010. С. 325 и след. Формально судебная система Малайзии независима, как в Сингапуре и в Индии, но на практике зависит от исполнительной власти.

⁹ Там же. С. 150 и след. По форме правления Индонезия — президентская республика, но президент обладает практически неограниченными полномочиями. Он определяет структуру Правительства, назначает и смещает единолично министров, а также издает указы, имеющие силу закона.

⁶ Колонизаторы — «французы, бельгийцы, англичане и испанцы... Англичане оставили после себя эффективные институты управления, в том числе и в Сингапуре. Благодаря им сегодня мы имеем верховенство права и говорим на английском языке, на котором говорит весь мир. Нам хватило мудрости не отвергать это наследие. Их институты управления по-прежнему эффективно функционируют. Вместо того, чтобы разрушать эти институты, мы укрепляем и совершенствуем их». Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира. М., 2017. С. 151—152.

ра подвергалась американскому влиянию. Более того, она идеологизировалась. Именно идеология была основным инструментом социальной жизни азиатских стран.

Азиатские народы, равно как и африканские, пользовались международной поддержкой в удовлетворении своего стремления к обретению суверенитета и национальной идентичности. После того как независимость была достигнута, во весь рост встали существенные проблемы дальнейшего развития: борьба с бедностью и голодом, необходимость взять на себя ответственность, которую до того несла колониальная администрация.

«Право на развитие», провозглашенное ООН, первоначально означало право получать помощь. Генеральная Ассамблея ООН определяла развитие как всеобъемлющий экономический, социальный, культурный и политический процесс, направленный на постоянное улучшение благосостояния всего населения и всех индивидов на основе их активного свободного и значимого участия в развитии и справедливом распределении всех преимуществ, которые вытекают из этого развития (41-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, 1986 г.)¹⁰.

В то же время доноры, оказывающие помощь, — Мировой банк и МВФ — связывают процесс развития с защитой универсальных фундаментальных прав и основных свобод человека.

Согласно западному образу мышления универсальность прав человека означает, что последняя включает и универсальные стандарты, которые должны уважать и которым должны следовать все народы, и что этот принцип уважения прав имеет приоритет перед всеми местными законами и свободен от всяких ограничений. Включение прав человека в обычное международное право означает, что ни одна нация не может избежать обязательства защищать эти права и все страны потенциально несут ответственность за неисполнение этих обязательств.

Казалось бы, достаточно вспомнить, что в 1950-е гг. молодые люди из стран Азии устремились в Европу, изучали там все, что хотели, и вернулись домой с багажом знаний и стремлением более не оставаться подданными, но стать гражданами и быть лидерами своих народов. Эти молодые люди взяли бразды правления в свои руки и обещали равенство, свободу и независимость. Более того, конец XX в. в Азии, как отмечалось выше, характеризовался небывалым экономическим успехом, что повлекло новый образ жизни. А XXI в. был назван веком Азии. Все это позволяло надеяться, что европейские истоки образования молодых азиатских лидеров и экономическое процветание региона станут основой для признания прав человека европейского типа азиатскими странами.

Но этого не произошло. Азиатские страны не могли похвастаться достижениями в этой сфере: в них существовала цензура, контроль над средствами массовой информации, ограничения и манипуляции судебной системой и т. д. Другими словами, все это свидетельствовало о неудовлетворительной защите в Азии прав человека, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека ООН 1948 г. Как следствие, уменьшилось влияние Запада на образ жизни азиатских народов, но азиатское влияние возросло.

Таковы в общих чертах исторические, экономические, политические, правовые, религиозные и культурные предпосылки, на основе которых формировались и функционируют «азиатские ценности».

Понятие «азиатские ценности» в контексте «конфуцианских ценностей»

Термин «азиатские ценности» впервые ввел в политический лексикон Ли Куан Ю (1923—2015), общепризнанный во всем мире видный азиатский государственный деятель, который руководил Сингапуром с 1959 по 1990 г. в качестве премьер-министра. Ему удалось искоренить коррупцию в стране и сделать ее одним из экономических лидеров континента¹¹. Со временем этим термином стали пользоваться и другие политические лидеры азиатских стран. В том понимании, которое придается этому термину главами государств, в частности Японией, Кореей, он часто совпадает с понятием «конфуцианские ценности».

В связи с этим необходимо коснуться понятия «конфуцианские ценности», в основе которых лежит конфуцианская мораль. Она отличается от западной (европейской) морали, христианской, религиозной — миссионерской по своей природе, которая исходит из равенства всех людей перед Богом, независимо от их социального статуса и общественного положения в мирской жизни.

Конфуцианская мораль, наоборот, имеет политическую основу¹². Ее, кстати, как и мораль исламистскую¹³, интересует не индивид (и его душа), а социальные институты и общество в целом, причем общество иерархическое, в котором каждому индивиду отводится строго определенное место, и каждый рассматривается в соответствии с его социальным статусом, что и должно определять его поведение, ибо только благодаря устойчивому функционированию такого иерархически устроенного общества существующий в нем социальный порядок превращается в гармонический. Другими словами, содержание норм конфуцианской морали зависело от положения

¹¹ Сингапур является одним из четырех так называемых азиатских драконов («тигров») наряду с Южной Кореей, Тайванем и Гонконгом (Сянганом).

¹² См., например: Konfuzius. Gespräche. Leipzig, 1984. S. 20.

¹³ См. об этом: Brissaud A. Islam et Chretiente. Paris, 1991. P. 11 etc.

¹⁰ Цит. по: The Rule of Law / ed. by P. Costa, D. Zolo. P. 572.

человека в семье, в роду, среди соседей, в служебной иерархии, в государстве. И эти различия в занимаемом положении составляли стержень установленно-го свыше миропорядка, который человек был обязан соблюдать, если не хотел нарушать мировую гармонию. Воспитывая человека с иерархических позиций, конфуцианство стремилось привить его внутренней природе чувство преодоления собственного эгоизма, чтобы он был в состоянии служить общему благу, высшему общественному критерию, чтобы он стал общественным человеком.

Таким образом, конфуцианская мораль растворяет индивида в коллективе, семье, государстве, человечестве. Для конфуцианства семья — самое первое выражение социальной гармонии. И государство рассматривается как большая семья, в которой социальные и иерархические отношения носят патриархальный характер.

А потому высшей целью руководителя государства считалось усовершенствование человеческой личности с помощью морально-этических норм (и музыки!), благодаря чему подданному открывался «естественный путь» (дао) к осуществлению всеобщей гармонии, к которой он должен стремиться и которой должен подчиняться каждый «добрый и мудрый человек»¹⁴. Право же отступало на второй план. Оно применялось субсидиарно и исключительно для решения вопросов государственного значения. Согласно Конфуцию основной источник права должен содержаться не столько в законе, сколько в сердце человека. И, как следствие, по Конфуцию «управление с помощью людей должно иметь приоритет перед управлением с помощью законов»¹⁵.

Итак, резюмируя вышесказанное по поводу «конфуцианской морали», отметим следующее. Во-первых, Конфуций исходил из того, что мораль и власть должны составлять единство. Во-вторых, семья — прототип общества и государства в целом. Конфуций связывает это с принципом почитания предков. И этот принцип мудрец толкует широко, включая в него связь настоящего и прошлого, консерватизм общества, его социальную инертность. Такое расширительное толкование служило моральным оправ-

данием власти государства, а в дальнейшем стало конститутивным элементом ее идеологии. Наконец, в-третьих, в конфуцианской морали подчеркивается иерархический и патриархальный характер отношений в семье и в государстве. Это нашло выражение в пятичленной формуле: «отец — сын; старший брат — младший брат; муж — жена; властитель — подданный; друг — друг», которая и в дальнейшем использовалась, чтобы подчеркнуть абсолютное превосходство правителя и императорской власти и четко обозначить иерархичность отношений в обществе.

Конфуций и конфуцианство. Аутентичной биографии Конфуция не существует. Основным источником сведений о его рождении и семье служит труд знаменитого древнекитайского историка Сыма Цяня (145/135 — ок. 86 до н.э.), которого европейцы называют Геродотом Древнего Китая. Он написал о Конфуции через 400 лет после его смерти, а потому иногда трудно отличить реальный ход событий того времени от вымысла¹⁶. Конфуций родился в 551/552 г. до н.э. и скончался в 479 г. до н.э. в возрасте 72 лет, так и не сумев реализовать свои идеи и изречения о совершенствовании человеческой личности на пути к созданию совершенного общества. Этико-политическое учение Конфуция получило отражение в сборнике изречений Конфуция «Лунь юй» («Беседы и высказывания»), который сыграл огромную роль в жизни Китая. Это была одна из первых книг, которую каждый школьник должен был выучить наизусть и руководствоваться изложенными в ней идеями в течение всей своей жизни. А потому современные синологи считают, что без «Лунь юй» невозможно по-настоящему понять традиционную систему взглядов и социальную психологию китайцев¹⁷.

Конфуцианство сперва не было единственным умственным течением в Китае V—III вв. до н.э., но его идеи стимулировали углубленное изучение тех закономерностей развития человеческого знания в соче-

¹⁶ Великий древнекитайский мыслитель стал известен в Европе в XVII в. под именем Конфуций (Кунцзы) благодаря иезуитам.

¹⁷ См.: Древнекитайская философия: в 2 т. М., 1972/1973. Т. 1. С. 139 и след. Здесь небезынтересно отметить место учения Конфуция в истории человеческой мысли: он был современником таких античных древнегреческих мыслителей, как Пифагор (570—490 до н.э.), Гераклит (544—483 до н.э.), и умер за 50 лет до рождения Платона (между 429 и 427—347 до н.э.) и за 100 лет до рождения Аристотеля (384—322 до н.э.). Однако в отличие от Древней Греции философские размышления китайцев были направлены не столько на объяснения происхождения бесконечного многообразия природы, сколько на объяснения первоосновы государства и власти правителя. Главное место в воззрениях древнекитайских мыслителей занимали проблемы умиротворения общества и эффективного управления государством. См.: Древнекитайская философия. Т. 1. С. 33—34.

¹⁴ В отношении этико-политического аспекта музыки см.: Конфуций. Уроки мудрости. М., 2001. С. 54—55: «Учитель говорил: Я вдохновляюсь песнями, ищу опору в ритуалах и завершаю музыкой». Конфуций придавал большое значение музыке. По его мнению, она должна ориентировать человека на поддержание порядка и гармонии в обществе. В то же время она тесно связана с моралью и фактически таковой и является. Она должна быть эстетической моделью порядка в обществе и правильного поведения; она должна быть связующим звеном между внутренним и внешним миром человека. См.: Konfuzius. Gespraech. Op. cit. S. 28.

¹⁵ Цит. по: Vu van Mau. Quelques aspects techniques de la reception des droits occidentaux. Saigon, 1963. P. 8.

тании с социально-экономическими условиями, которые это развитие определяют. Конфуций и его ученики попытались сформулировать понятие идеального общества, в котором царит гармония, позволяющая устранить социальные противоречия между правителем и его подданными. При этом гармония включала природу и космос, которые были политизированы и являлись элементами единой социально-политической структуры общества, что позволяло детально регламентировать поведение человека.

В период правления Ханьской империи (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) конфуцианство служило политико-идеологическим инструментом укрепления государственной власти. Именно тогда акцент был сделан на идентификации семьи и государства в интересах устранения социальных конфликтов и противоречий. Эта идея служила основанием для морального оправдания государственного единства и верховной власти императора, авторитет которого выдвигался в центр китайской цивилизации.

В следующие столетия конфуцианство стало эффективным инструментом объединения китайской культуры в рамках единого государства и в итоге превратилось в господствующую идеологию, которая включала элементы других умственных течений, в первую очередь легистов¹⁸.

С помощью конфуцианства были детально разработаны социальные отношения между индивидом и обществом. И в итоге почитание Конфуция стало политическим инструментом государственной власти и морально-религиозных взглядов. Более того, влияние конфуцианства распространилось на всю восточную Азию.

В честь Конфуция стали воздвигаться храмы. С XII по XIX в. ведущее положение конфуцианства в интеллектуальной жизни Китая было неоспоримым. В 1906 г. он был даже провозглашен Богом. Но с падением монархии в 1911/1912 гг. его обожествление прекратилось.

Однако влияние Конфуция на духовную и интеллектуальную жизнь Китая и азиатского континента продолжается и по сей день.

Не случайно Ли Куан Ю в беседе с Г. Шмидтом заявил, что азиатские ценности являются врожденны-

ми; они «прививаются нам с рождения, и мы впитываем их с молоком матери». И далее он поясняет, что конфуцианцем его «...сделало семейное воспитание, наши семейные ценности... Древние китайцы говорили, что если ты блюдешь себя, заботаешься о своей семье и верен императору, страна будет процветать»¹⁹.

Несомненно, именно в русле реализации на практике «азиатских ценностей» в Конституции КНР отменили положение о том, что Председатель КНР и его заместитель могут занимать свои посты не более двух сроков подряд (т. е. два раза по пять лет)²⁰. И с 11 марта 2018 г. сняли все ограничения на срок пребывания Председателя КНР на своем посту. Отныне он может править пожизненно. Решение об этом было принято парламентом КНР — Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) единогласно. Так что нынешний Председатель КНР Си Цзиньпин стал единоличным авторитарным лидером страны пожизненно.

Но конфуцианство демонстрирует не только приверженность древним традициям. Многовековой опыт развития конфуцианства свидетельствует о его способности проявлять гибкость и адаптироваться к изменениям во времени и к изменениям социально-экономического и политического характера.

В наши дни понятие «азиатские ценности» включает определенные «конфуцианские ценности»: приоритет коллективных интересов сообщества над интересами индивида для обеспечения социальной гармонии; уважение к старшим и почитание предков; внимание к обеспечению порядка и стабильности, уважение к семье, нации и обществу; ценность экономики, рачительного ведения хозяйства и упорного труда; самопожертвование ради интересов семьи; отрицание немедленного вознаграждения ради будущего общественного блага; важность и ценность образования.

Кроме того, к ним добавляют отказ от «западного» индивидуализма; важность крепкой семьи; важность коллективного труда; важность «общественного договора» между народом и государством; важность поддержания высокой морали в обществе; убеждение, что свобода не является неотъемлемым правом человека, его абсолютным правом.

Лидеры азиатских стран, трактуя термин «азиатские ценности» с точки зрения государственных интересов, видят в нем систему ценностей, основной из которых является экономическое развитие, влекущее повышение уровня жизни населения; по их мнению, именно «азиатские ценности» сделали возможным «азиатское экономическое чудо». Отсюда следует, что соблюдение гражданских и политических прав и свобод можно на законных основаниях отложить до достижения цели по развитию эконо-

¹⁸ Легизм — философская школа, сформировавшаяся в IV—III вв. до н.э. Одна из основных ее целей — укреплять абсолютную власть императора с помощью суровых уголовных и административно-правовых (в смысле того времени) актов, чтобы добиться беспрекословного подчинения населения его ничем не ограниченной власти.

Подробнее см.: Древнекитайская философия. Т. 2. С. 210 и след. Здесь речь идет о трактате теоретика легизма и государственного деятеля Шан Яна (390—338 до н.э.) «Книга правителя области Шан». Трактат сыграл существенную роль в превращении конфуцианства в официальную идеологию правящего класса Китая.

¹⁹ Ли Куан Ю. Указ. соч. С. 430—431.

²⁰ См.: Конституции стран Азии. Т. 3: Дальний Восток. С. 245 (Конституция КНР, ст. 79(3)).

мики. Они считают, что отказ от их соблюдения необходим для обеспечения экономического прогресса и связанных с этим благ.

Наряду с экономическим аспектом оправдания подобного положения выдвигается также идея бюрократического авторитарного правительства, традиционного для азиатских стран, которое наделяется полномочиями по управлению и контролю за своими гражданами такими средствами, которые представляются необходимыми для достижения социальных задач. В таком правлении усматривают основу «азиатской демократии», которая узаконила строгое регулирование общественной жизни и хозяйственной деятельности в интересах развития государства и экономического прогресса.

В юридическом плане также имеет место следование конфуцианской морали, согласно которой право играет субсидиарную роль. Например, в гл. VIII Устава АСЕАН, посвященной механизму решения споров (ст. 22—28), прямо говорится, что они должны решаться путем диалога, консультаций и переговоров, посредством предоставления добрых услуг и посредничества. Это вполне отвечает менталитету народов стран Юго-Восточной Азии: приоритет отдается внесудебному решению споров²¹.

Кроме того, когда ссылаются на «азиатские ценности», обычно стремятся достичь еще одной цели: предотвратить рассмотрение положения с правами человека в таких странах, как Китай, Сингапур, Малайзия и Вьетнам, рассматривая соответствующие критические высказывания как вмешательство во внутренние дела суверенных государств. В том же плане сформулирована и ст. 7 Декларации АСЕАН о правах человека, принятая руководителями стран АСЕАН в ноябре 2012 г.: «...реализация прав человека должна рассматриваться на региональном и национальном уровнях, учитывая разные политические, экономические, правовые, социальные, культурные, исторические и религиозные предпосылки». А в статье 19 Декларации подчеркивается, что семья является основной ячейкой общества. Она «имеет право на защиту со стороны общества и каждой страны — члена АСЕАН».

Таким образом приверженцы «азиатских ценностей» отрицают универсальный характер прав человека, ссылаясь при этом на различие и многообразие культур.

Итак, в современной трактовке «азиатских ценностей» отметим три узловых момента: приоритет экономического развития, авторитарное правление и разнообразие культур с акцентом на ключевую роль семьи. В итоге все эти три узловых момента упираются в решение проблемы прав человека.

²¹ См.: Механизм решения споров в региональных интеграционных группировках / под ред. А.Г. Лисицина-Светланова. М., 2018. С. 371 и след.

«Азиатские ценности» и права человека

А.И. Ковлер в исследовании «Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека» указывает три подхода, оспаривающих универсальный характер прав человека:

1) демонстративное отрицание универсальных ценностей в сфере прав человека как продукта западной философии;

2) отстаивание «американской исключительности» в толковании глобального характера международного механизма защиты прав человека: продвижение американских ценностей в этой сфере, но отрицание юрисдикции международного суда;

3) обоснование «евроцентристской» концепции прав человека²².

Для целей данной статьи интерес представляет проблема отрицания универсальных ценностей в сфере прав человека и евроцентристской концепции прав человека.

Что касается отрицания всеобщности прав человека, то представитель Сингапура на Венской конференции по правам человека в 1993 г. заявил, что признание всеобщности прав человека может быть опасным и пагубным, если их всеобщность используется в ущерб многообразию культур стран азиатского континента.

Госсекретарь США У. Кристофер в ответ на это заявил: «Мы не можем позволять культурному релятивизму стать последним прибежищем репрессий»²³.

Сторонники «азиатских ценностей» верят, что люди, подобные Кристоферу, стремятся навязать западные стандарты обществам, которым эти стандарты не подходят, чужды им и опасны для их культуры.

Азиатские народы привержены различным культурам, глубоко укоренившимся в конфуцианстве. Они делают акценты на порядке, стабильности, иерархии, семье, самодисциплине в гораздо большей степени, чем Запад. Индивид должен осознать и признать, что существуют более широкие интересы, служению которым он должен себя подчинить. Как сказал представитель КНР на той же конференции, «...индивиды должны ставить интересы государства выше собственных». По его мнению, концепция прав человека является продуктом исторического развития. Она тесно связана с конкретными социальными, политическими и экономическими условиями и национальной историей, культурой и ценностями той или иной конкретной страны. На разных стадиях исторического развития существовали разные требования в сфере прав человека. Таким образом, не следует полагать, что стандарты и модели прав человека определенных

²² См.: Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: в 2 т. М., 2019. Т. 1. С. 49.

²³ Кристофер Уоррен (1925—2011) — госсекретарь США (1993—1997) в период президентства Б. Клинтона с 1993 по 2001 г. Цит. по: Patten Ch. East and West. London, 1999. P. 150.

стран являются единственно правильными и требуют от всех других стран их выполнения. Для большого числа развивающихся стран уважение и защита прав человека заключается прежде всего в полной реализации права на существование и развитие.

А вот мнение премьер-министра Малайзии: «Малазийцы не должны принимать демократию западного типа с ее культом индивида, так как она может иметь отрицательный эффект. Демократия может повлечь за собой моральную деградацию, гомосексуализм, однополые браки, замедление экономического роста из-за обеднения трудовой этики»²⁴.

В преимуществах демократической системы правления европейского типа перед другими системами правления не был уверен и Ли Куан Ю. Он даже упрекнул бывшего губернатора Гонконга К. Паттена в том, что его деятельность в этом китайском анклаве являлась не чем иным, как «покушением на основы философии государственного управления»²⁵.

Подчеркивание упадка, деградации, беспорядка в западном обществе — вот квинтэссенция аргументов сторонников «азиатских ценностей».

Критики концепции «азиатских ценностей», в свою очередь, подчеркивают проблему их реализации в Азии в свете взаимодействия с «западными ценностями».

То обстоятельство, что принципы «демократия» и «права человека» основываются на западных ценностях, не подразумевает их непригодности для формирования конституционных систем стран Азии. Идеи и концепции не перестают быть универсальными лишь в силу того, что они формировались и развивались в определенной части мира. Адепты акцентирования дихотомии Восток—Запад при анализе демократии и прав человека упускают один важный момент: для некоторых ценностей характерен их универсальный характер, а не факт западного или восточного происхождения. Таким образом, несмотря на подобные различия, можно вывести ряд универсальных ценностей, на которых должен основываться любой демократический режим.

²⁴ Подтверждение этому, в частности, можно найти в сфере семейно-брачных отношений в Европе. См.: *Basedow Ju. The Law of Open Societies. Private Ordering and Public Regulation in the Conflict of Laws. The Hague, 2015. P. 246 etc.* На основе сравнительного анализа семейного законодательства многих европейских стран автор констатирует, что законодатель под натиском современности пошел на уступки в отношении расторжения брака. И брак, и развод ныне осуществляются гораздо проще, чем ранее. Юридическая значимость брака и его супружеский статус теряют свое значение. Современные законодатели практически не чинят препятствий разводам, а число однополых и так называемых гражданских браков неуклонно растет. О понятии трудовой этики см., например: *Фукуяма Ф. Доверие. М., 2004. С. 82 и след.*

²⁵ *Patten Ch. Op. cit. P. 147.*

Если «азиатские ценности» создали «азиатское чудо», как утверждают их сторонники, то как объяснить азиатский финансово-экономический кризис 1997—1998 гг., который имел крайне негативные последствия для всей мировой экономики, включая и нашу страну? А ведь это непродуманные действия правительств ряда азиатских стран, которые искусственно стимулировали быстрый рост экономики «азиатских драконов», что привело, как говорят экономисты, к «перегреву» экономик и падению фондовых рынков не только стран региона, но и к отрицательным результатам для мировой экономики в целом и даже к политическим последствиям²⁶. И лишь энергичные действия международных (читай «западных») финансовых институтов, в частности МВФ, помогли азиатским странам преодолеть кризис, предоставив им кредит в 40 млрд долл. Так что основы «азиатских ценностей», которые ставят во главу угла приоритет экономического развития, были поколеблены азиатским финансово-экономическим кризисом и восстановлены с помощью взаимодействия с международными валютно-финансовыми механизмами, в основе которых лежат «западные ценности».

Социальные, экономические и культурные права против гражданских и политических прав. Согласно мнению большинства восточно-азиатских лидеров данная проблема в такой же степени касается экономических приоритетов, как и отношения к гражданам и народам. Выдвигая на первый план семью, общество, государство и нацию, а не отдельного человека, «азиатские ценности», как уже говорилось, отдают приоритет экономическому развитию перед гражданскими и политическими правами. Экономическое развитие должно привести к улучшению уровня жизни, а отрицание гражданских и политических прав — свободы передвижения, свободы слова, собраний, убеждений и т. п. — или откладывание их будет способствовать поддержанию социального порядка и политической стабильности, необходимых для экономического развития и вытекающих из него благ.

Наиболее ярким примером вышесказанного может служить КНР. Китай превратился по экономической мощи во вторую мировую державу после США. Однако этот «путь наверх» сопровождался серьезными нарушениями гражданских и политических прав человека. Правительство КНР считает, что понятие прав человека должно включать народнохозяйственные показатели уровня жизни, состояния здоровья и экономического процветания. Но в стране отсутствуют свободы слова и печати, отправления религий, нет права на справедливое судебное разбирательство, не отменена смертная казнь, нарушаются

²⁶ Например, в Индонезии пал режим Сухарто и была провозглашена независимость Восточного Тимора.

права тибетского народа путем его насильственной интеграции в КНР и т. д. Вот некоторые из идей, иллюстрирующих идеологию основного реформатора современного Китая Дэн Сяопина (1904—1997): «Нельзя обойтись без такого средства, как диктатура... применять ее надо со всей осмотрительностью, по возможности меньше арестовывать людей». «Развертывать демократию можно лишь постепенно, нельзя копировать то, что у Запада, иначе это приведет лишь к хаосу. Развертывая демократию, мы не можем копировать буржуазную демократию и прибегать к так называемому разделению властей на законодательную, административную и судебную», «...применять смертную казнь надо осмотрительно, но без нее не обойтись... Приговор к смертной казни — тоже одно из необходимых средств воспитания»²⁷. Таким образом, демократические институты существуют в Китае формально, на бумаге, а на практике их роль сводится к тому, чтобы служить демократическим фасадом для мировой общественности.

Но в любом случае авторитаризм и подавление политических и гражданских прав вряд ли способствуют экономическому развитию Китая в перспективе. Наоборот, это противопоставляет Китай демократическим странам Европы и Северной Америки²⁸.

В целом материальное благосостояние, которое получили жители азиатских государств благодаря быстрому технологическому и экономическому развитию, даже несмотря на финансовый кризис, облегчает путь для широкого выбора как индивида, так и всего общества в сфере политики и культуры. Утверждение, что экономическое процветание может быть достигнуто лишь ценой свободы индивида, едва ли можно принимать всерьез. В век технологического и научного прогресса, когда знания быстро распространяются, а технологическими навыками делятся со всеми, живущие поколения не должны приносить себя в жертву ради будущих поколений и ради будущего процветания азиатского континента.

«Азиатские ценности» и азиатские структуры власти. Полемика о европейской концепции прав че-

ловека относится к выбору между принципом личной свободы индивида и принципом сильного закона и власти как необходимых условий для обеспечения стабильности. В современной Азии институализированные властные структуры используют «азиатские ценности» в качестве основы обеспечения социальной цельности и стабильности общества. Там где существует авторитарная или сильно централизованная властная структура, «азиатские ценности» и власть тесно взаимосвязаны, что нередко приводит к nepoтизму, коррупции, секретности, отсутствию подотчетности руководства, подавлению политических и гражданских прав и свобод.

При авторитарном режиме действительно можно добиться сиюминутных целей намного быстрее и эффективнее, чем при демократическом правлении²⁹, однако при этом ради успешного экономического роста и устойчивого развития авторитарные правители нередко подавляют политические и гражданские права населения. Так что применяются эти ценности государством в качестве инструмента, позволяющего управлять и даже манипулировать гражданами в интересах реализации собственных целей.

Аргументы, связанные с различием культур. Сторонники теории неприемлемости универсального характера прав человека европейского типа для азиатских стран ссылаются на уникальность «азиатских ценностей», в основе которых лежит многообразие культур. Согласно их аргументам права человека могут быть поняты и оценены только в соответствии со специфическими критериями, принятыми в определенной культуре. Поэтому в условиях отсутствия абсолютно идентичных обществ никакие критерии любого конкретного общества не могут действовать и уж тем более навязываться за пределами культурных границ соответствующего общества.

«Культурные плюралисты» утверждают, что различие культур носит этноцентрический характер. А для их оппонентов — «универсалистов» — права человека выходят за границы эпох, культур, идеологий и систем ценностей. Они не зависят от вероисповедания, времени, институтов и культур, а являются неотъемлемыми правами, принадлежащими всем людям — и не в последнюю очередь — на основе естественно-правовых идей³⁰. Западный акцент на автономии личности совсем не означает отрицания личной автономии граждан азиатских стран. Скорее речь идет о различном понимании основополагающей роли данной ценности в каждом обществе на данный момент времени. Уважение, вежливость и по-

²⁷ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 170, 197—199. Как пишет автор биографии Дэн Сяопина на русском языке А. Панцов, Дэн Сяопину не удалось преодолеть тоталитарное мировоззрение. См.: Панцов А. Дэн Сяопин. М., 2013. С. 9.

²⁸ Любопытное наблюдение сделал Ли Куан Ю. По его мнению, непреодолимым препятствием для распространения китайского влияния на международной арене станет китайский язык. Даже если КНР станет в будущем ведущей мировой державой, это не сможет изменить тот факт, что китайский язык чрезвычайно труден для восприятия и изучения. А потому в эпоху информационного общества Китай не сможет конкурировать с США за влияние на мировое общественное мнение. См.: Ли Куан Ю. Указ. соч. С. 102—103.

²⁹ См., например: Levitsky S., Way L.A. *Competitive Authoritarianism*. Cambridge, 2010. P. 318 etc.

³⁰ О естественном праве как источнике прав человека см., например: Kelsen H. *Principles of International Law*. New York, 2012. P. 149 et al.; Shaw M.N. *International Law*. Cambridge, 2003. P. 248 et al.

читательность, обычно проявляемые по отношению к старшим по возрасту и по званию, также варьируются от страны к стране. Однако подобные различия имеют соответствующие последствия: например, конфуцианский долг уважения наряду с рассмотренными выше пятью типами отношений в патриархально трактуемых семье и обществе и вытекающий отсюда культ почитания предков не дает возможности осуществлять соответствующие взаимные права. Обязанности, возникающие из перечисленных взаимоотношений, подлежат императивному исполнению, независимо от того, заслужил ли их тот, кому обязаны. Отсутствие соответствующего взаимного права у подчиненного, сына, жены или младшего брата на выполнение обязательств со стороны начальника, отца, мужа или старшего брата оправдывается тем фактом, что обязанности понимаются как долг перед всеми членами данного сообщества, а не перед единственным человеком. Кроме того, считается, что такие обязанности (при наличии или отсутствии взаимных прав) никогда не воспринимаются как средство контроля за властями — семейными или государственными. Китайская семья имеет патриархальную структуру в значительной мере именно потому, что конфуцианская идеология провозглашает первенство мужчин и учит детей почитать своих отцов. Конфуцианская идеология представляется чем-то весьма разумным и обоснованным тому, кто сам вырос в китайской семье. Согласно такому пониманию конфуцианское учение об отношениях отцов и детей принадлежит культуре, а реальная патриархальная китайская семья — социальной структуре, которая применяется к конкретным институтам общественной организации, таким как семья, клан, правовая система или нация³¹.

Права человека как западная идеология. Понятие прав человека — порождение западноевропейской политической и правовой мысли XVII—XVIII вв. Дж. Локк утверждал, что такие естественные права, как право на жизнь, свободу, собственность, являются неотчуждаемыми правами человека. А идея Ж.-Ж. Руссо об общественном договоре, в котором ключевая роль отводилась индивидам, послужила стимулом для социальных революций XVIII в. в Северной Америке и во Франции. Права человека были закреплены в законодательных актах США и республиканской Франции еще в XVIII в. А уже в наши дни они составляют суть современного демократического общества, являясь одним из ключевых элементов западных ценностей. Теория естественного права, которая получила импульс для своего развития как ответ на трагические последствия Второй мировой войны, видит источник существования прав человека в действии более высокого по статусу права, нежели позитивное право, над которым оно имеет приори-

тет. И это более высокое и более статусное право обладает набором универсальных и абсолютных принципов, которыми в наши дни руководствуется человечество в повседневной жизни и деятельности.

Понятие прав человека тесно связано с морально-этическими принципами. Кроме того, источниками прав человека могут служить религия, культурные традиции или социальный строй соответствующего общества, которому западные ценности не подходят. На этом и зиждется аргументация противников «универсалистов», отстаивающих тезис о различии культур. Тем не менее обстоятельство, что права человека являются продуктом западной политико-правовой мысли, не означает, что они имеют «врожденный» западный характер и отражают только западные ценности.

Понятие прав человека внесло универсальный ценностный вклад в развитие личности и открыло качественно новый этап в отношениях между индивидом и обществом.

Заключение. В середине 1990-х гг. в США был проведен социологический опрос 100 религиозных лидеров и деятелей культуры, ученых, экспертов по стратегическому планированию, государственных служащих и журналистов из стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а также 28 американцев, работающих в посольствах в Вашингтоне и ряде азиатских стран, с целью выяснить их предпочтения, касающиеся человеческих качеств и ценностей, которые представляются им наиболее характерными для них самих и их окружения. Разумеется, опрос такого ограниченного числа респондентов не может служить основой для обобщающих выводов. Тем не менее, как удалось выяснить в результате опроса об «азиатском образе жизни» и об «азиатском характере», все респонденты единодушно отметили сходство чуть ли не родственного характера, но при этом отсутствие такого же сходства между их страной и соседними странами в регионе. Многие высказывались сдержанно об «азиатских ценностях» и критиковали Сингапур за то, что аргументы в пользу «азиатских ценностей» использовались в целях саморекламы этой страны. Азиатское «экономическое чудо», отметили опрошиваемые, вселило в них чувства как уверенности в себе, так и большой озабоченности, касающейся уязвимости национальных традиций и культуры, которые утрачиваются под натиском современного образа жизни и экономического процветания. Интервьюируемые также отметили, что азиатские страны не могут найти механизм для установления сбалансированных отношений между индивидом и обществом, или между традицией и модернизацией, хотя и прилагают активные усилия, чтобы найти и установить этот баланс. В частности, азиатские интеллектуалы предлагают акцентировать внимание на установлении порядка и гармонии в духе «азиатских ценностей». Что касается

³¹ См.: Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 64 и след.

опрошенных американцев, то они по данному вопросу видят выход в предоставлении индивидам большей личной свободы.

Таким образом, опрос (пусть даже не очень репрезентативный) показал, что выходцы из Азии и в наши дни остаются приверженцами «азиатских ценностей», а для американцев индивид имеет решающее значение.

Бывший губернатор Гонконга (с 1997 г. — Сянган, специальный административный район КНР) К. Паттен также проанализировал три основных элемента, составляющих суть «азиатских ценностей» — общество, семью и образование. С его точки зрения, образцово организовано общество лишь на небольших территориальных образованиях, таких как Гонконг (Сянган) и Сингапур. Но это исключения. В результате процесса глобализации в больших азиатских странах, например в Китае, Индии, Индонезии, Таиланде, Южной Корее, опасная криминогенная обстановка ничем не отличается от ситуации в США или Европе.

Семья в Азии более крепкая, чем на Западе, но патриархальный характер семейных отношений сохраняется, и жена продолжает оставаться в зависимости от мужа.

Что касается образования, то здесь прослеживается прямая зависимость от экономического процветания: в четырех странах-«драконах» и в Китае уровень образования гораздо выше, чем в бедных странах региона. В данном аспекте «азиатские ценности» выдержали испытание временем. При этом К. Паттен ссылается на опыт своего преподавания в частных школах в Англии и отмечает, что дети из стран Азии «монополизировали» получение призов как лучшие ученики, и администрация университетов США подтверждает это³². Автор подытоживает обзор «азиатских ценностей», подчеркивая значимость для индивидов чувства справедливости и собственного достоинства, руководствуясь которыми они смогут достичь экономического процветания. Он выступает

на стороне либеральных западных ценностей (что не удивительно), индивидуализма и универсальности прав человека, но не отрицает дискуссионности данного тезиса³³.

А.И. Ковлер фактически подтверждает уязвимость тезиса об универсальности прав человека, поскольку существует множество путей к достижению «универсальных стандартов в области прав человека через адаптацию к ним национальных культур и этических норм»³⁴.

В связи с этим достаточно вспомнить процитированную выше «Декларацию о правах человека» стран АСЕАН (ст. 7, 19). То же можно сказать и об «Исламской Декларации прав человека», одобренной на конференции министров иностранных дел стран — членов Организации «Исламская конференция» в Каире 5 августа 1990 г. В Декларации перечисляются политические и гражданские права, семья провозглашается основой построения общества, а брак — основой формирования семьи (ст. 5); приобретение знаний считается непреложной обязанностью, для реализации которой общество и государство должны создавать соответствующие условия (ст. 9). Но в двух последних статьях Каирской декларации ее применению ставятся жесткие правовые рамки: «Все права и свободы, закрепленные в настоящей Декларации, регулируются нормами исламского шариата» (ст. 24); «Исламский шариат является единственным источником для толкования и пояснения любых статей настоящей Декларации» (ст. 25)³⁵.

Может быть, прав был Р. Киплинг со своей знаменитой максимой: «Запад есть Запад. Восток есть Восток. И вместе им не сойтись»?

³³ Patten Ch. Op. cit. P. 172, 351.

³⁴ Ковлер А.И. Указ. соч. С. 71.

³⁵ Текст Исламской Декларации прав человека на русском языке см., например: Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека. М., 2014. С. 190 и след.

³² См.: Patten Ch. Op. cit. P. 169.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Basedow Ju. The Law of open Societies. Private Ordering and Public Regulation in the Conflict of Laws. The Hague, 2015.
- Brissaud A. Islam et Chretiente. Paris, 1991.
- Kelsen H. Principles of International Law. New York, 2012.
- Konfuzius. Gespräche. Leipzig, 1984.
- Levitsky S., Way L.A. Competitative Authoritarism. Cambridge, 2010.
- Patten Ch. East and West. London, 1999.
- Shaw M.N. International Law. Cambridge, 2003.
- Tan Y. Lin. Legal Change and commercial Law in Singapore // East Asia: Human Rights, Nation- Building, Trade / A. Tay (ed). Baden-Baden, 1999.
- The Rule of Law / ed. by P. Costa, D. Zolo. Dordrecht, 2007.
- Vu van Mau. Quelques aspects techniques de la reception des droits occidentaux. Saigon, 1963.
- Xue Hanqin. Chinese Contemporary Perspectives on International Law. Hague, 2012.
- Древнекитайская философия: в 2 т. М., 1972/1973. Т. 1.
- Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988.
- Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: в 2 т. М., 2019.

- Конституции стран Азии. Т. 3: Дальний Восток. М., 2010.
Конфуций. Уроки мудрости. М., 2001.
Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира. М., 2017.
Механизм решения споров в региональных интеграционных группировках / под ред. А.Г. Лисицина-Светланова. М., 2018.
Панцов А. Дэн Сяопин. М., 2013.
Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека. М., 2014.
Трошинский П.В. Правовая система Китая. М., 2016.
Фукуяма Ф. Доверие. М., 2004.
Юмашев Ю.М. Иностранные инвестиции во Вьетнаме. М., 2008.

REFERENCES

- Basedow Ju. The Law of open Societies. Private Ordering and Public Regulation in the Conflict of Laws. The Hague, 2015.
Brissaud A. Islam et Chretiente. Paris, 1991.
Den Syaopin. Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya. Moscow, 1988.
Drevnekitayskaya filosofiya. Moscow, 1972/1973. Vol. 1.
Fukuyama F. Doverie. Moscow, 2004.
Kelsen H. Principles of International Law. New York, 2012.
Konfutsiy. Uroki mudrosti. Moscow, 2001.
Konfuzius. Gespräche. Leipzig, 1984.
Konstitutsii stran Azii. Vol. 3: Dalniy Vostok. Moscow, 2010.
Kovler A.I. Yevropeyskaya konventsia v mezhdunarodnoy sisteme zashchity prav cheloveka. Moscow, 2019.
Levitsky S., Way L.A. Competitative Authoritarism. Cambridge, 2010.
Li Kuan Yu. Moy vzglyad na budushchee mira. Moscow, 2017.
Mekhanizm resheniya sporov v regionalnykh integratsionnykh gruppировках. Ed. by A.G. Lisitsin-Svetlanov. Moscow, 2018.
Pantsov A. Den Syaopin. Moscow, 2013.
Patten Ch. East and West. London, 1999.
Shaw M.N. International Law. Cambridge, 2003.
Syukiyaynen L.R. Islam i prava cheloveka. Moscow, 2014.
Tan Y. Lin. Legal Change and commercial Law in Singapore. *East Asia: Human Rights, Nation- Building, Trade*. Ed. by A. Tay. Baden-Baden, 1999.
The Rule of Law. Ed. by P. Costa, D. Zolo. Dordrecht, 2007.
Troshchinskiy P.V. Pravovaya sistema Kitaya. Moscow, 2016.
Vu van Mau. Quelques aspects techniques de la reception des droits occidentaux. Saigon, 1963.
Xue Hanqin. Chinese Contemporary Perspectives on International Law. Hague, 2012.
Yumashev Yu.M. Inostrannye investitsii vo Vetname. Moscow, 2008.